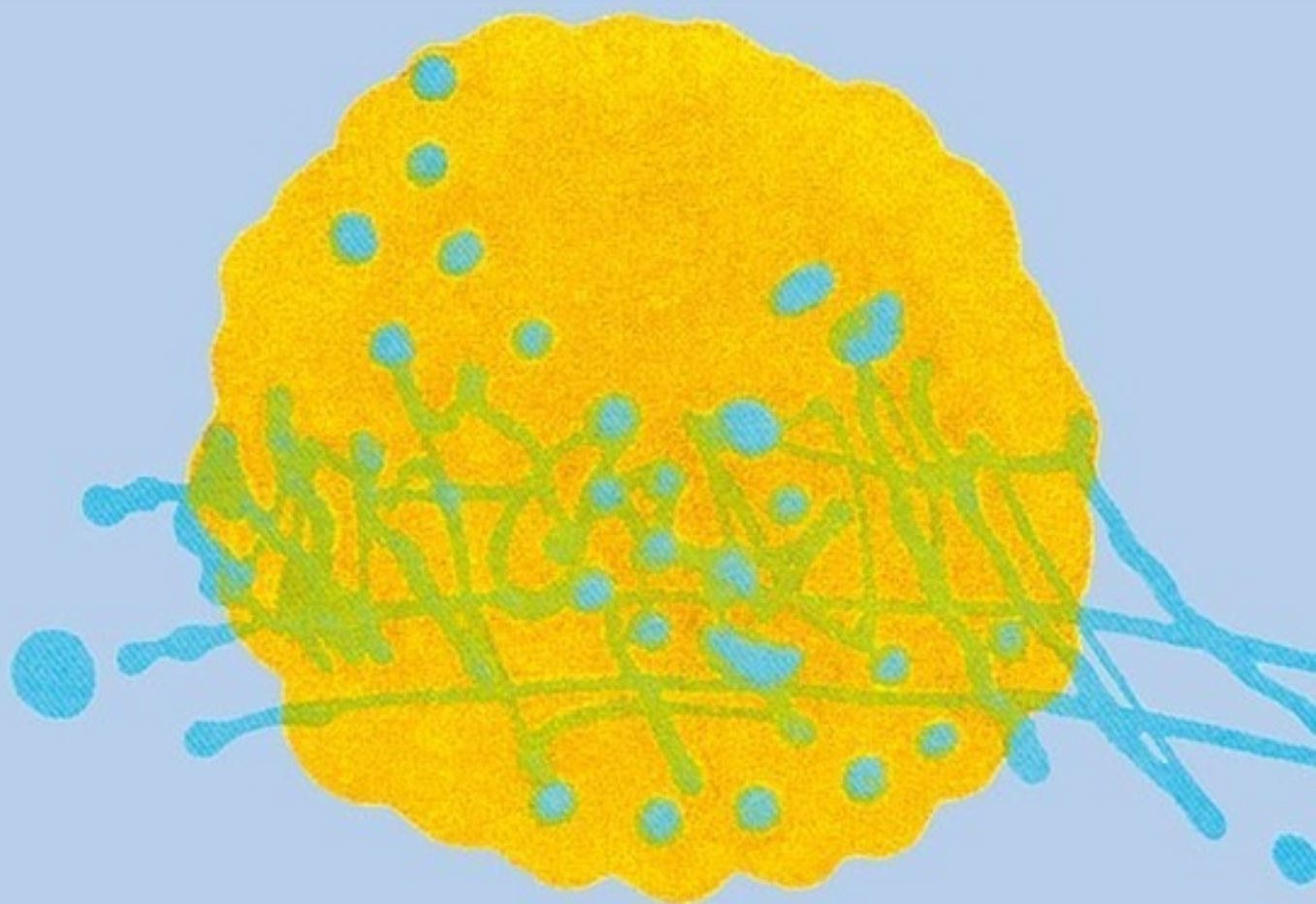


ОШО 100 миллионов
читателей



Зрелость

Ответственность быть
самим собой



ОШО КЛЮЧИ
К НОВОЙ ЖИЗНИ

Ключи к новой жизни

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

**Зрелость. Ответственность
быть самим собой**

ИГ "Весь"

1999

Раджниш (Ошо) Б.

Зрелость. Ответственность быть самим собой / Б. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", 1999 — (Ключи к новой жизни)

В этой книге – о разнице между процессами старения и взросления, о том, как не бояться старости и найти радость в процессе роста, сделав жизнь непрерывным празднованием.

© Раджниш (Ошо) Б., 1999

© ИГ "Весь", 1999

Содержание

Предисловие: Искусство Жить	6
Определения	12
От Невежества к Невинности	12
Зрелость И Старение	14
Зрелость Духа	18
Семилетние Циклы Жизни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ошо

Зрелость. Ответственность быть самим собой

Osho

MATURITY

The Responsibility of Being Oneself

Insights for a new way of living

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation,
Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Предисловие: Искусство Жить

Человек рождается, чтобы достичь жизни, и все в его руках. Он может упустить жизнь. Он может продолжать дышать, он может продолжать есть, он может продолжать стареть, он может продолжать двигаться к могиле – но это не жизнь, это постепенная смерть. От колыбели до могилы... постепенная смерть в семьдесят лет длиной. И поскольку миллионы людей вокруг умирают этой постепенной, медленной смертью, ты тоже начинаешь им подражать. Дети учатся этому от всех окружающих – а мы окружены мертвыми.

Поэтому первое, что нужно понять, это что я подразумеваю под «жизнью». Она не должна быть просто старением, она должна быть взрослением. А это две разные вещи.

К старению способно любое животное. Взросление – прерогатива человеческих существ. Лишь немногие предьявляют на нее права.

Взросление означает: двигаться с каждым мгновением глубже и глубже в принцип жизни; все более отдаляться от смерти – не приближаться. Чем глубже ты идешь в жизнь, тем более понимаешь бессмертие внутри себя. Ты отдаляешься от смерти; приходит мгновение, когда ты видишь, что смерть – не что иное как переодевание, переезд в другой дом, смена формы – ничто не умирает, ничто не *может* умереть.

Смерть – величайшая из всех существующих иллюзий.

Чтобы понять взросление, наблюдай дерево. По мере того как дерево растет вверх, его корни растут все глубже вниз. Есть равновесие – чем выше поднимается дерево, тем глубже опускаются корни. Не бывает дерева в пятьдесят футов высотой и с небольшими корнями; они не смогут поддержать такое гигантское дерево.

В жизни взросление означает, что ты растешь все глубже вовнутрь самого себя – именно там твои корни.

Для меня это первый принцип медитации. Все остальное вторично. И детство – самое лучшее время. Становясь старше, ты подходишь ближе к смерти, и идти в медитацию становится труднее и труднее.

Медитация означает: идти в свое бессмертие, идти в свою вечность, идти в свою божественность. И ребенок – самый квалифицированный человек, потому что он не обременен знанием, не обременен религией, не обременен образованием, не обременен всевозможным мусором. Он невинен.

Но, к несчастью, его невинность загрязняется невежеством. Невежество и невинность имеют некоторое сходство, но это не одно и то же. Невежество это состояние незнания, как и невинность – но есть и огромная разница, которой до сих пор все человечество не замечало. Невинность не знает, но и не хочет знать. Она совершенно удовлетворена, наполнена.

У маленького ребенка нет амбиций, нет желаний. Он так поглощен настоящим мгновением – парящая птица привлекает его взгляд так тотально; просто бабочка, ее красивые краски – и он очарован; радуга в небе... и он не может себе представить, что может быть что-нибудь важнее, богаче этой радуги. Небо, полное звезд, бесконечных звезд...

Нevinность богата, полна, чиста.

Невежество бедно; это нищий – оно хочет того или другого, хочет быть знающим, хочет быть уважаемым, хочет быть состоятельным, хочет быть облеченным властью. Невежество движется по пути желания. Невинность это состояние отсутствия желаний. Но поскольку оба они лишены знания, мы путали их природу. Мы принимали как данность, что это одно и то же.

Первый шаг в искусстве жить – понять различие между невежеством и невинностью. Невинность следует поддерживать, защищать – потому что ребенок принес с собой величайшее сокровище, сокровище, которого святые добиваются тяжкими усилиями. Святые говорят,

что снова стали детьми, что родились вновь. В Индии настоящий *брамин*, настоящий знающий, называет себя *двиджем*, дваждырожденным. Почему дваждырожденным? Что случается с первым рождением? Какая необходимость во втором? И что будет достигнуто вторым рождением?

Во втором рождении он достигает того же, что было доступно и в первом, но что общество, родители, окружающие его люди разрушили, раздавили. Каждого ребенка набивают знанием. Его простоту нужно каким-то образом удалить, потому что простота не поможет ему в этом соревнующемся мире. В простоте он будет казаться миру простаком; его невинность будут эксплуатировать, как только возможно. Боясь общества, боясь мира, который мы сами создали, мы пытаемся сделать каждого ребенка как можно более хитрым, коварным, знающим – чтобы он оказался в категории тех, кто у власти, не в категории угнетенных и бессильных.

И как только ребенок начинает расти в неправильном направлении, в этом направлении он и продолжает двигаться – вся его жизнь движется в этом направлении.

Когда ты понимаешь, что упустил жизнь, первый принцип – вернуться к невинности. Отбрось знание, забудь свои священные писания, забудь религии, теологии, философии. Родись вновь, стань невинным – и это в твоих руках. Очисти ум от всего, что тобою не познано, от всего, что заимствованно, от всего, что исходит от традиции, условностей. Все то, что было дано тебе другими, – родителями, учителями, университетами, – просто избавься от этого. Снова будь простым, снова будь ребенком. И это чудо возможно в медитации.

Медитация это просто странный хирургический метод, который отсекает тебя от всего, что не твое, и сохраняет только твое подлинное существо. Она сжигает все остальное и оставляет тебя обнаженным перед солнцем и ветром. Ты словно первый человек, который спустился на землю – который ничего не знает, который должен открыть все заново, который должен быть искателем, которому предстоит пуститься в паломничество.

Второй принцип: паломничество. Жизнь должна быть поиском – не желанием, но поиском; не амбицией стать тем или другим, президентом или премьер-министром, но поиском, попыткой найти: «Кто я?»

Очень странно, что люди, которые не знают, кто они, пытаются кем-то стать. Они даже не знают, кто они в это самое мгновение! Они не образованны в отношении своего существа – но у них есть цель становления.

Становление – это болезнь души.

Бытие – это ты.

И открыть свое бытие, существо – начало жизни. Тогда каждое мгновение – новое открытие, каждое мгновение приносит новую радость. Новая тайна открывает двери, новая любовь начинает расти в тебе, новое сострадание, которого ты никогда не чувствовал раньше, новая чувствительность к красоте, к добру. Ты становишься так чувствителен, что малейшая травинка имеет для тебя величайшую важность. Чувствительность делает для тебя ясным, что эта мельчайшая травинка так же важна для существования, что и величайшая звезда; без этой травинки существование было бы меньше, чем оно есть. Эта маленькая травинка уникальна, незаменима и обладает собственной индивидуальностью.

И эта чувствительность создаст для тебя новые дружбы – дружбы с деревьями, с птицами, с животными, с горами, с реками, с океанами, со звездами. Жизнь становится богаче, когда течет любовь, когда растет способность к дружбе.

В жизни Святого Франциска есть прекрасный случай. Он умирал; часто он путешествовал на осле из одного места в другое и делился своими опытами. Все его ученики собрались, чтобы услышать его последние слова. Последние слова человека всегда важнее всего, что он произнес за всю жизнь, потому что они содержат весь опыт его жизни.

Но то что ученики слышали... они не могли поверить.

Святой Франциск не обратился к ученикам; он обратился к ослу. Он сказал:

– Брат, я перед тобой в безмерном долгу. Ты возил меня из одного места в другое и никогда не жаловался, никогда не ворчал. Все, что я хочу сделать прежде чем покинуть этот мир, это попросить у тебя прощения: я не был с тобой человечным.

Это были последние слова Святого Франциска. Огромная чувствительность... сказать ослу:

– Брат осел...

... попросить прощения.

Когда ты становишься более чувствительным, жизнь становится больше. Из маленького пруда она превращается в океан. Она не ограничена тобой, твоей женой и детьми – совершенно не ограничена. Все существование становится твоей семьей, и пока все существование не станет твоей семьей, ты не узнал, что такое жизнь – потому что ни один человек не остров, все мы соединены.

Мы – безграничный континент, соединенный миллионами связей.

И если наши сердца не полны любви к целому, в той же пропорции урезывается наша жизнь.

Медитация принесет тебе чувствительность, великое чувство принадлежности к миру. Это наш мир – звезды наши, мы здесь не иностранцы. Мы по своей природе принадлежим существованию. Мы его часть, мы его *сердце*.

Во-вторых, медитация принесет тебе великое молчание – потому что весь мусор знания уйдет. Мысли это тоже часть знания... безмерное молчание, и ты удивлен: это молчание – единственная возможная музыка.

Вся музыка это усилие привести это молчание к какому-то выражению. Мудрецы Востока подчеркивали, что все великие искусства – музыка, поэзия, танец, живопись, скульптура, – родились из медитации. Все это усилия каким-то образом принести непознаваемое в мир известного для тех, кто не готов к паломничеству – просто подарки тем, кто не готов отправиться в это паломничество. Может быть, песня разбудит желание пойти на поиски источника, может быть, статуя.

В следующий раз, когда ты войдешь в храм Гаутамы Будды, наблюдай его статую. Потому что статуя создана таким образом, в такой пропорции, что наблюдая ее, ты впадешь в молчание. Это статуя медитации; она не имеет никакого отношения к Гаутаме Будде.

Именно поэтому все великие статуи выглядят как живые – Махавира, Гаутама Будда, Неминатха, Адинатха... Двадцать четыре *тиртханкары* джайнов... в одном храме ты найдешь двадцать четыре статуи похожие, одинаковые. В детстве я спрашивал отца:

– Объясни мне, пожалуйста, почему эти двадцать четыре человека одинаковы?

Один и тот же размер, тот же нос, то же лицо, то же тело... И он говорил:

– Не знаю. Я всегда сам недоумевал, почему они никак не различаются. Это почти неслыханно – в мире нет даже двух одинаковых людей, что сказать о двадцати четырех?

Но когда расцвела моя медитация, я нашел ответ – не услышал от кого-то другого, – что эти статуи не имеют ничего общего с людьми. Эти статуи относятся к тому, что происходит внутри этих двадцати четырех людей, а происходит в точности одно и то же. Мы не беспокоимся о наружном; мы настаивали, что внимание следует уделить внутреннему. Наружное неважно. Кто-то молод, кто-то стар, кто-то черный, кто-то белый, кто-то мужчина, кто-то женщина – это неважно; важно то, что внутри – океан молчания. В этом океаническом состоянии тело принимает определенную позу.

Ты замечал это сам, но не был бдителен. Когда ты в гневе, ты не замечал? – твое тело принимает определенную позу. В гневе ты не можешь держать руки открытыми; в гневе – кулак... В гневе ты не можешь улыбаться – или можешь? В определенной эмоции тело принимает определенную позу.

Эти небольшие вещи внутри глубоко связаны.

И эти статуи сделаны таким образом, что если ты просто сидишь в молчании и наблюдаешь, а затем закрываешь глаза, негатив, теневое изображение входит в твоё тело, и ты начинаешь чувствовать нечто такое, чего никогда не чувствовал раньше. Эти статуи и храмы построены не для поклонения; они построены для переживания опыта. Это научные лаборатории – они не имеют ничего общего с религией! Веками применялась определенная тайная наука, чтобы будущие поколения могли войти в контакт с опытами предыдущих поколений. Не через книги, не через слова, но в чем-то более глубоком – в молчании, в медитации, в покое.

Вместе с молчанием растет твоя способность к дружбе, растет твоя любовь; твоя жизнь становится танцем из мгновения в мгновение, радостью, празднованием.

Ты никогда не задумывался, почему во всем мире – в каждой культуре, в каждом обществе – в году есть несколько дней для празднования? Все эти праздники только компенсируют – потому что общества отняли у твоей жизни все празднование, и если тебе ничего не дать взамен, твоя жизнь может стать опасной для культуры.

Каждой культуре пришлось дать тебе какую-то компенсацию, чтобы ты не чувствовал себя потеряннным в страдании, в печали. Но эти компенсации ложны.

Салюты и фейерверки не могут позволить тебе радоваться. Они только для детей – для тебя это только головная боль. Но во внутреннем мире могут продолжаться огни, песни, радости.

Всегда помни, что общество выдает тебе компенсацию, когда чувствует, что то, что было подавлено, может взорваться в опасную ситуацию, если это не компенсировать. Общество находит какие-то способы позволить тебе высвободить подавленное – но это не истинное празднование и не может быть истинным празднованием.

Истинное празднование должно приходить из твоей жизни, в твоей жизни.

И истинное празднование не может соответствовать календарю – первого ноября вы празднуете... Странно, весь год вы были несчастны, а первого ноября внезапно выходите из несчастья и танцуете? Либо несчастье было ложным, либо ложно первое ноября; оба не могут быть истинными. И как только первое ноября кончается, ты снова возвращаешься в черную дыру, каждый – в свое несчастье, каждый – в свою тревогу.

Жизнь должна быть постоянным празднованием, праздником огней, который длится круглый год. Лишь тогда ты можешь вырасти, расцвести.

Трансформируй небольшие вещи в празднование.

Например, в Японии есть чайная церемония. В каждом дзэнском монастыре и в каждом доме, который может это себе позволить, есть небольшой храм для питья чая. Чай – больше не обычная, обыденная вещь; это трансформировали в празднование. Храм для питья чая сделан определенным образом – в красивом саду с красивым прудом; в пруду плавают лебеди, всюду цветут цветы. Когда приходят гости, они должны оставить обувь снаружи; это храм. В храме нельзя разговаривать; вам придется оставить свои мысли и речи снаружи, вместе с туфлями. Вы садитесь в медитативную позу, и хозяйка, женщина, которая готовит для вас чай, – ее движения так грациозны, как будто она танцует, приготавливая чай, расставляя перед вами чашки и блюда, словно вы боги. С таким уважением... она кланяется, и вы принимаете поклон с таким же уважением.

Чай готовится в специальном самоваре, который издает прекрасные звуки, собственную музыку. И в церемонию входит, что каждый должен слушать музыку чая. И все молча слушают... снаружи в саду поют птицы, и самовар... чай создает свою песню. Вокруг покой...

Когда чай готов, и его наливают во все чашки, ты не должен его пить так, как везде обычно пьют люди. Сначала ты должен вдохнуть аромат чая. Ты смакуешь чай, словно он приходит из запредельного, медленно – спешить некуда. Кто-то, может быть, начнет играть на флейте или на ситаре. Обычная вещь – просто чай – а его сделали прекрасным религиозным праздником. Каждый выходит обновленным, свежим, чувствуя себя моложе, сочнее.

И то же, что и с чаем, можно делать со всем – с одеждой, с пищей. Люди живут почти во сне; иначе в каждой ткани, в каждой одежде есть собственная красота, собственное ощущение. Если ты чувствителен, одежда не только для того, чтобы закрыть тело; тогда это нечто выражающее твою индивидуальность, нечто выражающее твой вкус, твою культуру, твое существо. Все должно выражать тебя; на всем должна быть твоя подпись. Тогда жизнь становится постоянным празднованием.

Даже если ты болен и лежишь в постели, ты сделаешь эти мгновения лежания в постели мгновениями красоты и радости, мгновениями расслабления и медитации, мгновениями музыки и поэзии. Тогда не нужно быть грустным, потому что ты болен. Ты должен радоваться, что все ходят на работу, а ты лежишь в постели как король и отдыхаешь – кто-то готовит тебе чай, самовар поет песню, друзья предлагают прийти и поиграть для тебя на флейте...

Эти вещи важнее любого лекарства. Когда ты болен, позови врача. Но еще важнее, позови тех, кого ты любишь, потому что нет лекарства важнее любви. Позови тех, кто может окружить тебя красотой, музыкой, поэзией, потому что ничто так не лечит как праздничное настроение. Лекарства это самая низкая форма лечения – но, кажется, мы забыли все, и нам приходится полагаться на лекарства и быть подавленными и грустными, – как будто ты упускаешь великую радость, не ходя на работу! В офисе ты был несчастным – лишь один день дома, и ты и там цепляешься за несчастье – ты его не отпускаешь.

Сделай все творческим, сделай лучшее из худшего – вот что я называю искусством жить. И если человек прожил всю жизнь, наполнив каждое ее мгновение и каждую ее фазу красотой, любовью, радостью, естественно, его смерть будет высочайшей вершиной усилия всей жизни. Последние штрихи... его смерть не будет уродливой, как это обычно случается с каждым.

Если смерть уродлива, это значит, что вся твоя жизнь была пустой растратой. Смерть должна быть мирным принятием, любящим вхождением в неизвестное, радостным прощанием с друзьями, со старым миром. В ней не должно быть никакой трагедии.

Один дзэнский мастер, Лин-Чи, умирал. Тысячи учеников собрались, чтобы услышать его последнюю проповедь, но Лин-Чи просто лежал – радостный, улыбающийся, не говоря ни слова.

Видя, что он вот-вот умрет, и все же не говорит ни слова, кто-то напомнил Лин-Чи – старый друг, мастер по собственному праву... Он не был учеником Лин-Чи; вот почему он мог ему сказать:

– Лин-Чи, разве ты забыл, что должен сказать последние слова? Я всегда говорил, что у тебя плохо с памятью. Ты умираешь... ты что, забыл?

И Лин-Чи сказал:

– Слушайте.

На крыше бегали, шуршали две белки. И он сказал:

– Как красиво, – и умер.

На мгновение, когда он сказал: «Слушайте», воцарилось абсолютное молчание. Все подумали, что он скажет что-то грандиозное, но только две белки дрались, шуршали, бегали по крыше... Он улыбнулся и умер. Но он дал последнее послание: не делайте из вещей маленькие и большие, тривиальные и важные. Важно все. И в это мгновение смерть Лин-Чи так же важна, как и эти две белки, бегающие по крыше, нет никакой разницы. В существовании все равнозначно. Это было всей его философией, всем учением его жизни – что ничто не велико и ничто не мало; от тебя зависит, что ты с этим сделаешь.

Начни с медитации, и все это начнет в тебе расти – молчание, безмятежность, блаженство, чувствительность. И что бы ни пришло в медитации, попытайся внести это в свою жизнь. Делись этим, потому что все, чем ты делишься, растет быстрее. И когда ты достигнешь точки смерти, ты узнаешь, что смерти нет. Ты можешь попрощаться, но не нужно никаких слез печали – может быть, слезы радости, но не печали.

Но тебе придется начать с невинности.

Поэтому прежде всего выброси весь тот мусор, который ты носишь, – а каждый носит столько мусора! Интересно, зачем? Просто потому, что люди тебе говорили, что это великие идеи, принципы... Ты не был разумным с самим собой. Будь разумным с самим собой.

Жизнь очень проста, это просто радостный танец. И вся земля может быть полна радости и танца, но есть люди, которые все вложили в то, чтобы никто не наслаждался жизнью, чтобы никто не улыбался, чтобы никто не смеялся; что жизнь это грех, что это наказание. Как ты можешь наслаждаться жизнью, когда весь климат таков, что тебе постоянно говорят, что это наказание? – что ты страдаешь, потому что делал неправильные вещи, что это своего рода тюрьма, в которую тебя бросили страдать?

Я говорю тебе, что жизнь это не тюрьма, не наказание. Это награда, и она дается лишь тем, кто ее заработал, кто ее заслуживает. Наслаждаться – твое право; грехом было бы *не* наслаждаться. Против существования будет, если ты не украшаешь его, если ты оставляешь его таким же, как нашел. Нет, оставь его немного более счастливым, немного более красивым, немного более благоухающим.

Определения

От Невежества к Невинности

Зрелость означает то же самое, что и невинность, с одним лишь отличием: это невинность, на которую вновь предъявлены права, невинность, завоеванная вновь. Каждый ребенок рождается невинным, но каждое общество развращает его. Каждое общество до сих пор оказывало очень тлетворное воздействие на каждого ребенка. Все культуры основываются на том, чтобы эксплуатировать невинность ребенка, эксплуатировать ребенка, сделать его рабом, обусловить его для собственных целей, для собственных предназначений – политических, социальных, идеологических. Все их усилие было до сих пор в том, как обратить ребенка в рабство для какой-либо цели. Цели эти определяются интересами круговой поруки. Священники и политики состояли в глубоком заговоре, работали вместе.

В то мгновение, когда ребенок начинает становиться частью вашего общества, он начинает терять нечто безмерно ценное; он начинает терять связь с Богом. Он становится более и более подвешенным в голове, он совершенно забывает о сердце – а сердце это мост, ведущий к существу. Без сердца ты не можешь достичь существа; это невозможно. Из головы нет прямого пути в существо; тебе придется пройти через сердце – а все общества были разрушительны по отношению к сердцу. Они против любви, они против чувств; они осуждают их как сентиментальность. Они осуждали всех влюбленных всех веков по той простой причине, что любовь не принадлежит голове, она принадлежит сердцу. Человек, который способен к любви, рано или поздно обнаружит свое существо – а как только человек обнаруживает существо, он свободен от всех структур, от всех образцов. Он свободен от всех оков. Он – чистая свобода.

Каждый ребенок рождается невинным, но каждого ребенка общество делает знающим. Для этого существуют школы, колледжи, университеты; вся их функция в том, чтобы разрушить тебя, развратить тебя.

Зрелость означает, что ты вновь обретаешь невинность, вновь предъявляешь права на свой рай, вновь становишься ребенком. Конечно, есть разница – обычный ребенок обречен на то, чтобы быть развращенным, но когда ты вновь обретаешь детство, то становишься неуязвимым для развращения. Никто не может тебя развратить, ты становишься достаточно разумным – теперь ты знаешь, что с тобой сделало общество, ты бдителен и осознан и не позволишь этому случиться снова.

Зрелость – это второе рождение, духовное рождение. Ты рождаешься заново, ты снова ребенок. Свежими глазами ты начинаешь смотреть на существование. С любовью в сердце ты подходишь к жизни. С молчанием и невинностью ты проникаешь в самое свое глубочайшее ядро. Ты больше не одна голова. Теперь ты используешь голову, но только как слугу. Сначала ты становишься сердцем, затем ты трансцендируешь даже сердце...

Выйти за пределы мыслей и чувств и стать чистой *есть-ностью* – вот что такое зрелость. Зрелость это предельное цветение медитации.

Иисус говорит: «Пока вы не родитесь заново, вы не войдете в мое Царство Божье». Он прав, вы должны родиться заново.

Однажды Иисус стоял на рыночной площади, и кто-то спросил его:

– Кто достоин войти в твое Царство Божье?

Он оглянулся вокруг. Рядом стоял раввин, и наверное, раввин немного выдвинулся вперед, думая, он покажет на него – но он не был избран. Рядом стоял самый добродетельный человек в городе – моралист, пуританин. Он тоже сделал движение вперед, надеясь, что будет избран, но и он не был избран. Иисус оглянулся вокруг – и увидел маленького ребенка, кото-

рый не ожидал, что будет избран, который не двинулся с места ни на дюйм. У него не было ни тени мысли об этом; не было и речи о том, чтобы выбрали его. Он просто наслаждался всей этой сценой – толпа, и Иисус говорит, и он слушает. Иисус позвал этого ребенка, взял его на руки и сказал толпе:

– Те, кто как этот маленький ребенок, – только они достойны войти в мое Царство Божье.

Но помните, он сказал: «Только те, кто *как* этот маленький ребенок...» Он не сказал: «Маленькие дети». Различие огромно. Он не сказал: «Этот маленький ребенок войдет в мое Царство Божье», потому что каждый ребенок обречен на развращение, обречен на то, чтобы заблудиться. Каждого Адама и каждую Еву ожидает изгнание из Эдемского сада; они должны заблудиться. Это единственный способ заново обрести настоящее детство: сначала ты должен его потерять. Это очень странно, но именно такова жизнь. Это очень парадоксально, но жизнь есть парадокс. Чтобы познать настоящую красоту детства, сначала ты должен его потерять; иначе ты никогда не узнаешь ее.

Рыба никогда не знает, где океан – пока ты не вытащишь рыбу из океана и не бросишь ее на песок, на палящее солнце; тогда она знает, где океан. Теперь она жаждет океана и изо всех сил старается вернуться, снова прыгнуть в океан. Это та же самая рыба, и все же не та же. Это тот же самый океан, и все же не тот же, потому что рыба выучила новый урок. Теперь она осознает, теперь она знает: «Это океан, это моя жизнь. Без него меня больше нет – я его часть».

Каждый ребенок должен утратить невинность и обрести ее вновь. Утрата ее составляет только половину процесса – многие ее потеряли, но очень немногие обрели вновь. Это печально, очень печально. Каждый ее теряет, но лишь изредка Будда, Заратустра, Кришна, Иисус обретают ее вновь. Иисус это не кто иной, как Адам, вновь возвращающийся домой. Магдалина это не кто иная, как Ева, вновь возвращающаяся домой. Они вышли из моря и увидели страдание, и увидели глупость. Они увидели, что быть вне океана не блаженно. В то мгновение, когда ты осознаешь, что быть частью любого общества, любой религии, любой культуры значит оставаться несчастным, оставаться заключенным – в тот самый день ты начнешь отбрасывать свои цепи. Приближается зрелость; ты вновь обретаешь невинность.

Зрелость И Старение

Есть великая разница между зрелостью и старением, безграничная разница, но люди всегда их путают. Люди думают, что состариться значит стать зрелым – старение относится к телу. Каждый становится старше, каждый стареет, но не каждый становится зрелым. Зрелость это внутренний рост.

В старении ты ничего не делаешь; старение это нечто случающееся физически. Каждый рождается ребенком, а когда проходит какое-то время, стареет. Зрелость это нечто, что ты привносишь в свою жизнь – и она исходит из осознанности. Когда человек стареет с полной осознанностью, он становится зрелым. Старение плюс осознанность, переживание опыта плюс осознанность есть зрелость.

Ты можешь пережить одну и ту же вещь двумя путями. Ты можешь просто переживать словно находишься под гипнозом, бессознательно, не внимательно к тому, что происходит; это случилось, но тебя в этом не было. Этого не случилось в твоём присутствии; ты отсутствовал. Ты просто прошел мимо; это не высекло в тебе никакой искры внимания. Это не оставило в тебе никакого следа; ты ничему из этого не научился. Может быть, это стало частью памяти, потому что в каком-то смысле ты присутствовал, но так и не стало частью твоей мудрости. Ты не вырос в это и не вырос из этого. Тогда ты стареешь.

Но если ты вносишь в опыт качество осознанности, тот же самый опыт становится зрелостью.

Есть два способа жить: жить в глубоком сне – тогда ты стареешь, в каждое мгновение умираешь, вот и все. Вся твоя жизнь состоит из долгой, медленной смерти. Но если ты вносишь в свои опыты осознанность – что бы ты ни делал, что бы с тобой ни случилось, ты бдителен, наблюдателен, внимателен; ты смакуешь этот опыт со всех возможных сторон, пытаешься понять его смысл, пытаешься проникнуть в самую глубину того, что с тобой случилось, стараешься прожить это интенсивно и тотально – тогда это не просто поверхностное явление. Глубоко внутри тебя что-то изменилось вместе с этим. Ты стал более бдительным. Если этот опыт ошибочен, ты никогда не совершишь этой ошибки снова.

Зрелый человек никогда не совершает снова ту же самую ошибку. Но просто старый человек продолжает совершать раз за разом одни и те же ошибки. Он живет, словно двигаясь по кругу, и никогда ничему не учится. Ты в гневе сегодня, был в гневе вчера и позавчера и будешь в гневе завтра и послезавтра. Снова и снова ты злишься, снова и снова раскаиваешься, снова и снова принимаешь глубокое решение, что не сделаешь этого снова. Но это решение ничего не меняет – как только тебя беспокоят, тебя охватывает ярость, ты одержим; совершена та же ошибка. Ты стареешь.

Если ты проживаешь опыт гнева тотально, никогда снова ты не будешь гневен. Одного опыта будет достаточно, чтобы научиться тому, что это неразумно, абсурдно, просто глупо – дело не в том, что это грех; это просто глупо. Ты причиняешь вред себе и другим, и ради чего? Игра не стоит свеч. Тогда ты становишься зрелым. Завтра ситуация повторится, но гнев не повторится. И человек, достигший зрелости, не *решил*, что больше не будет злиться, нет – это признак человека, который не становится зрелым. Человек зрелости никогда не решает на будущее; о нем позаботится сама зрелость. Ты живешь сегодня – сама эта жизнь определит, каким будет завтра; завтра произойдет из него.

Если гнев был болезненным, ядовитым, если из-за него ты страдал в аду, какой смысл решать, присягать, идти в храм и объявлять: «Я даю обет, что никогда больше не почувствую гнева»? Это так по-детски, в этом нет никакого смысла! Если ты узнал, что гнев ядовит – кончено! Этот путь закрыт, эта дверь для тебя больше не существует. Эта ситуация повторится завтра, но ты не будешь одержим ситуацией. Ты чему-то научился – это понимание. Может

быть, ты даже рассмеешься, может быть, ты будешь наслаждаться тем, как люди ведут себя так глупо. Твое понимание растет в каждом опыте.

Ты можешь прожить жизнь так, словно ты под гипнозом – именно так живет девяносто девять процентов людей – или прожить ее с интенсивностью, осознанностью. Если ты живешь с осознанностью, ты становишься зрелым; иначе ты просто стареешь. А стареть не значит становиться мудрым. Если ты был дураком, когда был молод, а теперь состарился, ты будешь просто старым дураком, вот и все. Просто старея, ты не становишься мудрым. Может быть, ты станешь даже глупее, потому что приобретешь механические, роботоподобные привычки.

Жизнь можно прожить двумя способами. Живя бессознательно, ты просто умираешь; живя сознательно, ты достигаешь больше и больше жизни. Приходит смерть – но она никогда не приходит к зрелому человеку, она приходит только к человеку, который становился старше и старел. Зрелый человек никогда не умирает, потому что учится даже в смерти. Даже смерть будет опытом, проживаемым интенсивно, наблюдаемым, позволенным.

Зрелый человек никогда не умирает. Фактически, смерть борется со скалой зрелости и разбивается об нее, совершает самоубийство. Смерть умирает, но никогда не зрелый человек. Вот послание всех пробужденных: ты бессмертен. Они узнали это, они прожили свою смерть. Они наблюдали, они нашли, что она может окружить тебя, но ты остаешься отстраненным, ты остаешься далеко от нее. Смерть происходит рядом с тобой, но никогда не происходит с тобой.

Бессмертно твое существо, блаженно твое существо, божественно твое существо, но эти опыты ты не можешь втиснуть в ум и память. Ты должен пройти через жизнь и достичь их. В ней много страдания, много боли. И из-за боли и страдания люди хотят жить глупо – это нужно понять: почему так много людей настаивают на том, чтобы жить под гипнозом; почему Будды и Христы продолжают говорить людям проснуться, и никто не слушает? Наверное, есть какое-то глубокое увлечение гипнозом, какое-то глубокое капиталовложение. Что это за капиталовложение?

Этот механизм нужно понять; иначе ты будешь меня слушать и никогда не станешь осознанным. Ты будешь меня слушать и сделаешь это частью своего знания: «Да, этот человек говорит быть осознанным, хорошо быть осознанным, а те, кто осознан, становятся зрелыми...» Но ты сам этого не достигнешь, это останется просто знанием. Ты можешь сообщить это знание другим, но это никому не поможет.

Почему? Не задавался ли ты когда-нибудь этим вопросом? Почему ты не достигаешь осознанности? Если она ведет к бесконечному блаженству, к достижению *самчитананды*, к абсолютной истине – тогда почему не стать осознанным? Почему ты упорствуешь в том, чтобы продолжать спать? Есть какое-то капиталовложение – и вот это капиталовложение: становясь осознанным, ты осознаешь страдание. Становясь осознанным, ты начинаешь осознавать боль, и эта боль так сильна, что тебе хочется принять транквилизатор и уснуть.

Эта сонность в жизни действует как защита от боли. Но в этом беда – если ты сонный в отношении боли, ты будешь сонным и в отношении удовольствия. Представь себе, словно это две грани: на одной написано «боль», на другой – «удовольствие». Тебе хочется закрыть грань, на которой написана боль и открыть грань, на которой написано удовольствие. Но таковы условия игры – если ты закрываешь грань боли, немедленно закрывается и грань удовольствия, потому что за ними обеими стоит лишь одна грань, на которой написано «осознанность». Либо обе остаются открытыми, либо обе закрыты, потому что это два лица одного и того же явления, два аспекта.

И в этом все противоречие ума: ум хочет быть более и более счастливым – счастье возможно, если ты осознан. И в то же время ум хочет быть менее и менее подверженным боли – но меньше и меньше боли возможно, только если ты *неосознан*. Теперь ты стоишь перед дилеммой. Если ты не хочешь боли, немедленно из твоей жизни исчезает и удовольствие, исчезает счастье. Если ты хочешь счастья, ты открываешь эту грань – и немедленно начинает течь боль.

Если ты осознан, тебе придется осознавать и то, и другое. Жизнь есть боль и удовольствие. Жизнь есть счастье и несчастье. Жизнь есть день и ночь, жизнь и смерть. Тебе придется осознавать и то, и другое.

Так помни это. Если ты боишься боли, ты будешь оставаться под гипнозом; ты будешь стареть, стариться и умирать. Ты упустил возможность. Если хочешь быть осознанным, тебе придется осознавать и боль, и удовольствие; это не отдельные явления. И человек, который осознает, становится очень счастливым, но также способным и к глубокому страданию, к которому неспособен ты.

Это случилось... дзэнский мастер умирал, и его старший ученик – который был сам по себе известным человеком, даже более известным, чем сам мастер... фактически, мастер стал известным из-за этого ученика. Этот старший ученик заплакал; сидя на ступенях храма, он заплакал, и покатились слезы. Собрались тысячи людей; они не могли поверить, потому что ты никогда не видишь пробужденного плачущим, рыдающим, со слезами, катящимися по лицу. Они сказали:

– Мы не можем поверить – что происходит? Ты плачешь, а ведь ты сам говорил, что глубочайший центр никогда не умирает, что смерти не существует. Мы слышали, как ты говорил миллионы раз, что смерти не существует – так почему ты плачешь? Твой мастер все еще жив в его существе.

Ученик открыл глаза и сказал:

– Не беспокойте меня. Позвольте мне плакать и рыдать. Я плачу не о мастере и не о его существе, я плачу о его теле. Его тело тоже было прекрасно. Никогда больше не будет такого тела.

И тогда кто-то попытался его убедить, что это создаст ему плохую славу:

– Собралось столько людей, и они подумают, что ты не просветленный.

Ученик сказал:

– Пусть думают что хотят. С тех пор, как я стал просветленным, я стал бесконечно блаженным, но я стал также и бесконечно чувствителен к боли и страданию.

Кажется, так и должно быть. Если ты ударишь Будду, Будда будет страдать больше, чем пострадал бы ты, если бы кто-нибудь ударил тебя – потому что он стал таким бесконечно чувствительным. Его чувствительность очень деликатна, он точно как лепесток розы. Твой камень ударит его очень глубоко, это доставит ему глубокое страдание. Конечно, он будет осознавать его, конечно, он будет отрешен от него. Конечно, он будет трансцендентален к нему, он будет знать, что это происходит, и не будет частью этого, он будет подобным облаку явлением, окружающим это – но это происходит.

Ты не можешь быть чувствительным к боли, ты так крепко спишь. Ты движешься как пьяный – пьяный падает на улице, ударяясь головой об асфальт – и ничего не происходит. Если бы он осознал, ему было бы больно.

Будда бесконечно страдает и бесконечно наслаждается. Всегда помни, каждый раз, когда ты достигаешь высокой вершины, одновременно это создает и глубокую долину. Если ты хочешь достичь небес, твои корни должны проникнуть в самый ад. Из-за того, что ты боишься боли, ты не можешь стать осознанным – и тогда ты не можешь ничему научиться.

Это все равно что если бы ты, боясь врагов, закрыл все двери в доме. Теперь даже друг не может войти, даже влюбленный остается снаружи. Влюбленный продолжает стучать в дверь, но ты боишься: может быть, это враг. Так и ты закрыт – именно так я вижу вас всех: боящиеся врагов, вы не позволяете войти другу. Вы превратили друга во врага – теперь никто не может войти, вы так боитесь.

Открой дверь. Когда свежий воздух входит в дом, очень возможно, войдет и опасность. Когда входит друг, может войти и враг, потому что день и ночь входят вместе, боль и удовольствие входят вместе, жизнь и смерть входят вместе. Не бойся боли, иначе ты будешь жить под

наркозом. Хирург вводит наркоз, прежде чем начать тебя оперировать, потому что будет так больно, что ты не сможешь этого вытерпеть. Твое сознание должно быть притуплено, затуманено, и тогда он может разрезать все твоё тело, и это не причинит тебе страданий.

Из страха боли ты вынудил себя жить в притупленном сознании, притупленным существованием, почти не живым – это страх. Ты должен отбросить этот страх; ты должен встретить боль лицом к лицу, ты должен пройти через страдание, и лишь тогда откроется возможность того, что войдет друг.

И когда ты знаешь то и другое, немедленно ты становишься третьим. Когда ты знаешь то и другое – боль и удовольствие, день и ночь – внезапно ты становишься трансцендентальным.

Зрелость есть осознанность. Старение это просто трата себя впустую.

Самое фундаментальное, что нужно помнить: жизнь диалектична. Она существует в двойственности; это ритм между противоположностями. Ты не можешь вечно быть счастливым, иначе счастье утратит всякий смысл. Ты не можешь вечно быть в гармонии, иначе ты перестанешь осознавать гармонию. За гармонией снова и снова должен следовать диссонанс, за счастьем должно следовать несчастье. Даже у удовольствия есть своя боль, и у каждой боли есть свое собственное удовольствие.

Пока человек не понимает этой двойственности существования, он без необходимости остается в страдании.

Прими целое со всеми его агониями и экстазами. Не жажди невозможного; не желай, чтобы был только экстаз и не было агонии. Экстаз не может существовать один, ему нужен контраст. Агония становится черным фоном, на котором экстаз яснее и громче, точно как в темноте ночи ярче звезды. Чем темнее ночь, тем ярче звезды. Днем они исчезают, просто становятся невидимыми; их не видно, потому что нет контраста.

Подумай о жизни без смерти; она была бы нестерпимой болью, невыносимым существованием. Без смерти было бы невозможно жить – смерть определяет жизнь, придает ей некую интенсивность. Поскольку жизнь ускользает, каждое мгновение становится драгоценным. Если жизнь вечна, какая разница? Можно ждать вечно – кто тогда будет жить здесь и сейчас? Поскольку завтра – смерть, это вынуждает тебя жить здесь и сейчас. Ты должен нырнуть в настоящее мгновение, войти в его предельную глубину, потому что кто знает, наступит ли следующее.

Видя этот ритм, человек спокоен, расслаблен и с тем, и с другим. Когда приходит несчастье, он приветствует его, когда приходит счастье, он приветствует его, зная, что они – партнеры в одной и той же игре. Это нечто такое, что нужно постоянно помнить. Если это становится в тебе постоянным напоминанием, твоя жизнь приобретает совершенно новый аромат – аромат свободы, аромат нецепляния, аромат непривязанности. Что бы ни пришло, ты остаешься тихим, молчаливым, принимающим.

И человек, который способен быть тихим, молчаливым, принимающим в боли, разочаровании и страдании, трансформирует само качество страдания. Для него страдание становится сокровищем; даже боль придает ему остроты. Для него даже в темноте есть своя красота, глубина, бесконечность. Для него даже смерть это не конец, но только начало чего-то неизвестного.

Зрелость Духа

Качества зрелой личности очень странны. Во-первых, такой человек – не личность. Он больше не «я» – у него есть присутствие, но он не личность.

Во-вторых, он более как ребенок, простой и невинный. Именно поэтому я говорю, что качества зрелого человека очень странны – потому что зрелость дает ощущение того, что он опытен, что ему много лет, что он стар – физически он может быть старым, но духовно он – невинный ребенок. Его зрелость это не просто опыт, собранный из жизни, – тогда он не был бы как ребенок, тогда он не был бы присутствием – он был бы опытным человеком, знающим, но не зрелым.

Зрелость не имеет ничего общего с жизненным опытом. Она имеет нечто общее с внутренним путешествием, с опытом внутреннего.

Чем глубже человек движется в себя, тем более зрелым он становится. Достигнув самого центра своего существа, он совершенно зрел. Но к этому мгновению человек исчезает, остается лишь присутствие. «Я» исчезает, остается лишь молчание. Знание исчезает, остается лишь невинность.

Для меня зрелость это второе имя реализации: ты пришел к осуществлению своего потенциала; он претворен в действительность. Семя прошло долгое путешествие и расцвело.

У зрелости есть аромат. Она придает индивидуальности безмерную красоту. Она придает разум, острейший возможный разум. Она делает его не более чем любовью. Его действие – любовь, его бездействие – любовь; его жизнь – любовь, его смерть – любовь. Он – просто цветок любви.

Западные определения зрелости просто инфантильны. Запад подразумевает под зрелостью, что ты больше не невинен, что ты созрел, приобретаешь жизненный опыт, – что тебя нелегко обмануть, что тебя нельзя эксплуатировать, что у тебя внутри есть нечто подобное твердой скале, защита, безопасность. Это определение очень обычное, мирское. Да, в мире ты найдешь зрелых людей такого типа. Но я вижу зрелость совершенно другой, диаметрально противоположной этому определению. Зрелость не делает тебя скалой; она делает тебя таким уязвимым, таким мягким, таким простым...

Я помню... Вор вошел в хижину мистика. Это было в ночь полнолуния, и он вошел по ошибке; иначе что можно найти в доме мистика? Вор искал, но был поражен тем, что ничего не было – внезапно он увидел человека, подходящего к нему со свечой в руке. Этот человек сказал:

– Что ты ищешь в темноте? Почему ты меня не разбудил? Я спал прямо у двери, и я мог бы показать тебе весь дом.

И он выглядел таким простым и невинным, как будто не мог понять, что кто-то может быть вором.

Перед лицом такой простоты и невинности вор сказал:

– Может быть, ты не знаешь: я вор.

– Это неважно, – сказал мистик, – каждый должен кем-то быть. Суть в том, что я жил в этом доме тридцать лет, и так ничего и не смог найти, так давай поищем вместе! И если мы что-то найдем, давай войдем в долю. Я ничего не нашел в этом доме – он совершенно пустой.

Вору стало немного не по себе – кажется, этот человек какой-то странный! Либо он сумасшедший, либо... кто знает, что это за человек? Ему захотелось сбежать, и кроме того, он принес вещи из других домов и оставил их снаружи.

У мистика было только одно одеяло – это было все – ночь была холодной, и он сказал вору:

– Не уходи с пустыми руками – не оскорбляй меня, иначе я никогда не смогу себе простить, что бедный человек пришел в мой дом ночью, и ему пришлось уйти с пустыми руками. Возьми это одеяло. Это придется кстати – снаружи очень холодно. Я внутри дома; здесь теплее.

Он укутал вора в одеяло. Вор начал терять голову! Он сказал:

– Что ты делаешь? Я вор!

– Это неважно. В этом мире каждый должен кем-то быть, что-то делать. Может быть, ты ворующий, но это неважно – профессия есть профессия. Просто делай это хорошо, со всеми моими благословениями. Делай это совершенно; иначе ты попадешь в беду.

– Ты странный, – сказал вор. – Ты голый, у тебя ничего нет...

– Не волнуйся, – сказал мистик, – потому что я иду с тобой! Только одеяло удерживало меня в этом доме; больше в нем ничего нет – а одеяло я отдал тебе. Я иду с тобой – мы будем жить вместе! Кажется, у тебя есть много всего; это хорошо для нашего партнерства. Я отдал тебе все мое, ты дашь мне немного твоего – это будет правильно.

Вор не мог поверить своим ушам. Ему просто хотело бежать из этого места и от этого человека. Он сказал:

– Нет, я не могу взять тебя с собой. У меня есть жена, дети. У меня есть соседи, и что они скажут, если я приведу в дом голого человека?

– Правильно, – сказал мистик. – Я не поставлю тебя в такую неловкую ситуацию. Ты можешь идти, я останусь в доме.

И когда вор уходил, мистик закричал:

– Эй! Вернись!

И вор никогда не слышал такого сильного голоса; он вонзился в него как нож. Ему пришлось вернуться. Мистик сказал:

– Научись быть немного более любезным. Я дал тебе одеяло, а ты даже не поблагодарил меня. Поэтому, во-первых, поблагодари меня – это очень тебе поможет. Во-вторых, уходя, ты открыл дверь, когда вошел – закрой ее! Разве ты не видишь, что ночь холодная, разве ты не видишь, что я отдал тебе одеяло и остался голым? С тем, что ты вор, нет никаких проблем, но в том, что касается манер, я трудный человек. Я не могу потерпеть такого поведения. Скажи спасибо!

Вору пришлось сказать:

– Спасибо, господин, – и он закрыл дверь и убежал. Он не мог поверить в то, что произошло! Он не мог уснуть всю ночь. Снова и снова он вспоминал... он никогда не слышал такого сильного голоса, обладающего такой властью. У этого человека ничего не было!

На следующий день он навел справки и узнал, что этот человек был великим мастером. Вор поступил нехорошо – было абсолютно уродливо вламываться к этому бедному человеку, у которого ничего не было. Но он был великим мастером. Вор сказал:

– Это я и сам понял – он очень странный человек. За всю свою жизнь я сталкивался со всякими людьми, от самых бедных до самых богатых, но никогда... даже при воспоминании о нем меня пробирает дрожь. Когда он позвал меня вернуться, я не мог убежать. Я был абсолютно свободен, я мог бы схватить вещи и убежать, но не смог. Что-то в его голосе притянуло меня обратно.

Через несколько месяцев этот вор попался, и судья сказал ему:

– Можешь ли ты назвать человека в этих окрестностях, который бы поручился за тебя?

– Да, – сказал вор, – один человек меня знает, – и он назвал мастера.

– Этого достаточно – позовите этого мастера. Его поручительство стоит показаний десяти тысяч человек. Что бы он ни сказал, этого будет достаточно, чтобы составить о тебе суждение.

Судья спросил мастера:

– Знаешь ли ты этого человека?

– Знаю ли я его? Мы с ним партнеры! Он мой друг, он даже однажды пришел ко мне среди ночи. Было холодно, и я отдал ему одеяло. Он пользуется им, как вы видите. Это одеяло известно всей стране; каждый знает, что оно мое.

– Он твой друг? И он ворует?

– Никогда! – сказал мастер. – Он не может воровать. Он такой джентльмен, что когда я дал ему одеяло, он сказал: «Спасибо, господин». А выходя из дома, он тихо закрыл за собой дверь. Он очень вежливый, милый человек.

Судья сказал:

– Если ты так говоришь, показания свидетелей, которые утверждают, что он вор, недействительны. Он освобожден.

И мистик вышел, и вор последовал за ним.

– Что ты делаешь? – спросил мистик. – Почему ты идешь за мной?

– Теперь я никогда тебя не оставляю, – ответил тот. – Ты назвал меня другом, ты назвал меня своим партнером. Никто никогда не оказывал мне такого уважения. Ты первый человек, который сказал, что я джентльмен, милый человек. Я собираюсь сесть у твоих ног и научиться быть таким, как ты. Откуда ты получил эту зрелость, эту власть, эту силу... эту способность видеть вещи совершенно по-другому?

– Знаешь ли ты, как мне было плохо в ту ночь? – сказал мистик. – Ты ушел, – мне было так холодно без одеяла, что было невозможно спать. Я сидел у окна и смотрел на луну, и я написал стихотворение: «Если бы я был достаточно богат, чтобы отдать эту совершенную луну тому бедняге, который пришел искать в доме бедняка... Я отдал бы ему луну, если бы был достаточно богат, но я сам беден». Я покажу тебе это стихотворение, пойдем со мной.

Той ночью я плакал о том, что вора́м следует научиться некоторым вещам. По крайней мере, они должны присылать извещение за день или два, чтобы я успел что-то приготовить, чтобы им не приходилось уходить с пустыми руками. И хорошо, что ты вспомнил обо мне в суде, эти люди опасны, они могли бы поступить с тобой плохо. Я предложил тебе еще в ту ночь пойти с тобой и быть партнерами, но ты отказался. Теперь ты хочешь пойти со мной! Нет проблем, пойдем; я поделюсь с тобой всем, что у меня есть. Но это не материальное, это нечто невидимое.

– Я чувствую это – это нечто невидимое. Но ты спас мне жизнь, и теперь моя жизнь – твоя. Делай с ней что хочешь, я просто тратил ее впустую. Видя тебя, посмотрев тебе в глаза, я понял одно – что ты можешь меня трансформировать. С той самой ночи я влюблен.

Для меня зрелость это духовное явление.

Зрелость духа означает: коснуться своего внутреннего неба. Как только ты утверждаешься в своем внутреннем небе, ты нашел дом, и великая зрелость возникает в твоих действиях, в твоём поведении. Тогда, что бы ты ни делал, в этом есть изящество. Тогда, что бы ты ни делал, это само по себе стихотворение. Ты живешь как поэзия, твоя походка становится танцем, твое молчание становится музыкой.

Под зрелостью подразумевается, что ты пришел домой. Ты больше не ребенок, который должен расти, – ты вырос. Ты коснулся вершины своего потенциала. Впервые в каком-то странном смысле тебя нет – и ты *есть*. Тебя нет в твоих старых представлениях, фантазиях, в твоих старых восприятиях себя, – все это ушло. Теперь в тебе возникает нечто новое, абсолютно новое и девственное, что трансформирует всю твою жизнь в радость. Ты стал чужим в этом несчастном мире, ты больше не создаешь страданий для себя или кого-то другого. Ты живешь свою жизнь в тотальной свободе, не обращая ни малейшего внимания на то, что скажут другие.

Люди, которые всегда думают о других и мнениях других, незрелы. Они зависимы от мнений других. Они ничего не могут сделать подлинно, честно, они не могут сказать, что хотят сказать – они говорят то, что хотят слышать другие. Ваши политики говорят те вещи, которые вы хотите слышать. Они обещают вам то, чего вы хотите. Они прекрасно знают, что не смогут

исполнить своих обещаний; это и не входит в их намерения. Но если бы они точно и правдиво описали ситуацию, и разъяснили, что многое из того, что вы просите, невозможно, что этого нельзя сделать, их выгнали бы из власти. Ты не выберешь политика, который честен.

Это очень странный мир. Это почти сумасшедший дом. Если в этом сумасшедшем доме ты становишься бдительным и осознаешь свое существо, ты блажен.

Семилетние Циклы Жизни

В жизни есть внутренний образец, и хорошо его понять. Каждые семь лет, говорят психологи, тело и ум претерпевают кризис и меняются. Каждые семь лет все клетки тела меняются, полностью обновляются. Фактически, если ты живешь семьдесят лет, среднюю продолжительность жизни, твое тело умирает семь раз. Каждый седьмой год все меняется – точно как меняются времена года. За семьдесят лет цикл завершается. Круг, линия, движущаяся от рождения к смерти, замыкается. В ней было десять подразделений.

Фактически, жизнь человека не следует делить на детство, молодость, старость – это не очень научно, потому что каждые семь лет начинается новый возраст, предпринимается новый шаг.

В первые семь лет центр тяжести ребенка находится в нем самом, как будто он является центром всего мира. Вся семья движется вокруг него. Любая его потребность немедленно удовлетворяется, в противном случае он впадает в ярость, гнев, бешенство. Он живет как император, настоящий император... мать, отец – все они слуги, и вся семья существует только для него. И конечно, он думает, что так и со всем остальным миром. Луна восходит для него, солнце встает для него, времена года меняются ради него. Семь лет ребенок остается абсолютно эгоистичным, центрированным в себе. Если спросить психологов, они скажут, что семь лет ребенок остается мастурбативным, удовлетворенным самим собой. Ему ничего не нужно, никто не нужен. Он чувствует себя законченным.

Через семь лет – прорыв. Ребенок больше не центрирован в себе; он становится в буквальном смысле эксцентричным. Слово «эксцентричный» означает – «вышедший из центра». Он движется к другим. Другой становится важным явлением – друзья, компании... Теперь он не настолько погружен в самого себя; его интересует другой, больший мир. Он входит в приключение узнавания, кто такой «другой». Начинается исследование.

После седьмого года ребенок становится великим спрашивающим. Он подвергает сомнению все. Он становится великим скептиком – из-за своего исследования. Он задает миллионы вопросов. Он до смерти надоедает родителям, он становится головной болью. Его интересует другой, и все на свете попадает в спектр его интереса. Почему деревья зеленые? Почему Бог создал мир? Почему это так? Он начинает становиться все более и более философом – исследование, скептицизм, – он настаивает на том, чтобы вникнуть во все.

Он убивает бабочку, чтобы посмотреть, что у нее внутри, он разрушает игрушку, чтобы увидеть, как она устроена, разбивает часы, чтобы посмотреть, что в них тикает и стучит – что происходит внутри? Его начинает интересовать другой – но другой остается того же пола. Его не интересуют девочки. Если других мальчишек интересуют девочки, он считает их нытиками. Девочек не интересуют мальчики. Если какая-то девочка интересуется мальчиками и играет с ними, ее считают «пацанкой», не нормальной, не средней; что-то не так. Эту вторую стадию психоаналитики и психологи называют гомосексуальной.

После четырнадцати лет открывается третья дверь. Его больше не интересуют мальчики, девочек больше не интересуют девочки. Они вежливы, но не заинтересованы. Именно поэтому любая дружба, случающаяся между семьей и четырнадцатью годами, глубже всего – потому что ум гомосексуален, и никогда больше не случится такой дружбы. Такие друзья остаются друзьями навечно, это такие глубокие узы. Ты подружишься с другими людьми, но это останется только знакомством, не таким глубоким явлением, которое случилось между семьей и четырнадцатью годами.

Но после четырнадцати лет мальчик не интересуется мальчиками. Если все идет нормально, если он нигде не застрял, он заинтересуется девочками. Теперь он становится гетеросексуальным – он заинтересован не просто в других, но в *другом* – потому что когда маль-

чика интересуют мальчики, другой мальчик может быть «другим», но все же это точно такой же мальчик, не совсем другой. Но когда мальчика начинают интересоваться девочки – теперь его действительно интересует противоположный, настоящий другой. Когда девочку начинают интересоваться мальчики, входит мир.

Четырнадцать лет – это революционный возраст. Секс становится зрелым, человек начинает думать в терминах секса, сексуальные фантазии выходят на первый план в снах. Мальчик становится великим донжуаном, начинает ухаживать. Возникает поэзия, романтика. Он входит в мир.

К двадцати одному году – если все идет нормально, и общество не принуждает ребенка к чему-то неестественному – к двадцати одному году ребенка начинают более интересоваться амбиции, чем любовь. Он хочет роллс-ройс, большой дворец. Он хочет быть успешным, Рокфеллером, премьер-министром. Выходят на первый план амбиции, и вся его забота в том, как преуспеть, как победить в соревновании, как победить в борьбе.

Теперь он входит не только в мир природы, но и в мир человечества, на рыночную площадь. Теперь он входит в мир безумия. Теперь на передний план выходит рыночная площадь. Все его существо стремится к рынку – деньги, престиж, власть.

Если все идет правильно – как не бывает никогда, потому что я говорю об абсолютно естественном развитии, – к возрасту двадцати восьми лет человек никаким образом не пытается войти в жизнь приключений. С двадцати одного до двадцати восьми лет он живет приключениями; к двадцати восьми годам он становится более бдительным к тому, что желания невозможно удовлетворить. В нем больше понимания того, что многие желания невыполнимы. Если ты дурак, ты будешь за ними гнаться, но люди, которые разумны, в двадцать восемь лет входят в другую дверь. Их начинает интересовать более безопасность и комфорт, чем приключения и амбиции. Они начинают устраиваться. Двадцать восемь лет это конец хиппования.

В двадцать восемь лет хиппи становится домовладельцем, революционер перестает быть революционером; они начинают склоняться к оседлой жизни, ищут комфорта, стремятся иметь небольшой счет в банке. Они хотят небольшой, но устроенный дом, уютное место жизни, безопасность, чтобы, по крайней мере, это у них всегда было, – небольшой счет в банке. В районе двадцати восьми лет люди начинают обращаться в страховые компании. Они начинают устраиваться. Теперь бродяга больше не бродяга. Он покупает дом, начинает в нем жить, становится цивилизованным. Слово цивилизация происходит от корня *сивис* – гражданин. Теперь он становится частью города, страны, установленного порядка. Он больше не бродяга, не скиталец. Теперь он не поедет в Катманду или в Гоа. Он никуда не поедет – конечно, путешествий с него достаточно; теперь он хочет осесть и немного отдохнуть.

К тридцати пяти годам жизненная энергия достигает критической точки. Круг наполовину завершен, и энергия начинает идти на спад. Теперь человека интересуют только безопасность и комфорт, он становится тори, ортодоксом. Его не просто более не интересует революция; он становится антиреволюционным. Теперь он против любых перемен, он – консервативист. Он против всех революций; он хочет сохранить статус-кво, потому что он устроился, и если что-то изменится, все расстроится. Теперь он выступает против хиппи, против бунтарей; теперь он хочет по-настоящему стать частью установленного порядка.

И это естественно – если все идет правильно, человек не останется хиппи навсегда. Это было фазой, через которую хорошо пройти, но в которой плохо застрять. Это значило бы, что ты застрял в определенной фазе. Хорошо быть гомосексуальным между семью и четырнадцатью годами, но если человек остается гомосексуальным всю жизнь, это значит, что он не вырос, он не взрослый. Нужно прийти в связь с женщиной, это часть жизни. Противоположный пол становится важным, потому что только тогда ты сможешь узнать гармонию противоположностей, конфликт, страдание и экстаз – одновременно агонию и экстаз. Это обучение, необходимое обучение.

К тридцати пяти годам человек становится частью традиционного мира. Он начинает верить в традицию, в прошлое, в Веды, в Коран, в Библию. Он абсолютно против перемен, потому что любая перемена означает, что его собственная жизнь будет потревожена; теперь ему есть что терять. Ты не можешь быть за революцию – ты хочешь защитить... Человек уважает закон, суды и правительство. Он больше не анархист; он всецело за правительство, правила, инструкции, дисциплину.

К сорока двум годам взрываются всевозможные физические и умственные болезни, потому что теперь жизнь идет на спад. Энергия движется к смерти. Как и в начале – твои энергии увеличивались, и ты становился все более живым, энергичным, сильным, – теперь происходит противоположное, и с каждым днем ты слабеешь. Но теперь продолжают твои привычки. Ты ел достаточно до тридцати пяти лет; если теперь ты будешь продолжать эту привычку, то начнешь набирать вес. Теперь столько еды не нужно. Это было необходимо раньше, но теперь это ненужно, потому что жизнь движется к смерти, ей не нужно такого количества пищи. Если ты продолжаешь наполнять живот как и раньше, случатся всевозможные болезни: высокое кровяное давление, сердечные приступы, бессонница, язва желудка – все это происходит в районе сорока двух лет; сорок один год это одна из самых опасных точек. Волосы начинают выпадать, седесть. Жизнь превращается в смерть.

В возрасте сорока двух лет впервые становится важной религия. Может быть, раньше ты время от времени валял дурака с религией, но теперь впервые религия становится важной – потому что религия глубоко связана со смертью. Теперь приближается смерть, и впервые возникает желание религии.

Карл Густав Юнг написал, что всю жизнь он наблюдал, что люди, приходившие к нему в возрасте сорока лет, всегда нуждались в религии. Если они сходили с ума, страдали неврозом или психозом, им нельзя было помочь, если они не становились глубоко укорененными в религии. Им нужна религия; их основная потребность – религия. И если общество нерелигиозно, и тебя никогда не учили религии, величайшая трудность случается, когда тебе около сорока двух лет – потому что общество не дает тебе никакого дальнейшего пространства, никакой двери, никакого измерения.

Общество было хорошо, когда тебе было четырнадцать лет, потому что общество дает достаточно секса – все общество сексуально; кажется, секс это единственный товар, скрытый в любом товаре. Если ты хочешь продать десятитонный грузовик, даже в этом случае тебе придется использовать голую женщину. Или зубную пасту – то же самое. Грузовик или зубная паста, неважно: где-то на заднем фоне все равно улыбается голая женщина. На самом деле, продается эта *женщина*. Продается не грузовик, не зубная паста, продается женщина. И поскольку женщина, улыбающаяся женщина продается вместе с зубной пастой, тебе приходится купить и пасту. Везде продается секс.

Таким образом это общество, нерелигиозное общество, хорошо для молодых людей. Но они не останутся молодыми вечно. Когда им исполняется сорок два года, общество оставляет их в вакууме. Теперь они не знают, что делать. Они становятся невротичными, потому что не знают, не умеют, их никогда не учили смотреть в лицо смерти. Общество подготовило их для жизни, но никто не учил их, как подготовиться к смерти. Для смерти нужно столько же образования, что и для жизни.

Если бы мне позволили поступить по-своему, я разделил бы университеты на две части: одна для молодых людей, другая для старых. Молодые люди приходили бы, чтобы научиться искусству жизни – сексу, амбициям, борьбе. Тогда, когда они стали бы старше и достигли точки сорока двух лет, они снова приходили бы, чтобы учиться смерти, Богу, медитации – потому что теперь старые университеты не смогут им помочь. Им нужно новое образование, новая дисциплина, чтобы они могли укорениться в новой фазе, случающейся с ними.

Общество оставляет их в промежутке; именно поэтому на Западе так много умственных болезней. На Востоке их не так много. Почему? – потому что Восток дает некоторое образование в религии. Оно не исчезло полностью; как бы оно ни было фальшиво, ложно, оно все еще есть, оно существует прямо перед носом. Пусть больше не на рыночной площади, не в гуще жизни, пусть в стороне – но храм есть. Пусть на обочине, но он все еще есть. Тебе нужно пройти несколько шагов, и ты можешь в него войти, он есть.

На Западе религия больше не является частью жизни. В возрасте около сорока двух лет западный человек переживает психологические проблемы. Случаются тысячи видов неврозов и язв желудка. Язва желудка – это след амбиций. Амбициозный человек обречен на язву желудка: амбиции кусают, едят тебя. Язва желудка это не что иное как поедание самого себя. Ты так напряжен, что начинаешь есть слизистую оболочку собственного желудка. Ты так напряжен, твой желудок так напряжен, что он никогда не расслабляется. Когда напряжен ум, напряжен и желудок.

Язва – это след амбиций. Если у тебя язва, это показывает, что ты очень успешный человек. Если у тебя нет язвы, ты бедный человек; твоя жизнь была неудачей, ты неудачник. Если у тебя случается первый сердечный приступ в сорок два года, ты добился великого успеха. Наверное, ты, по крайней мере, в кабинете министров, или богатый индустриалист, или известный актер; чем иначе объяснить сердечный приступ? Сердечный приступ – это определение успеха.

У всех успешных людей случаются сердечные приступы, это неизбежно. Вся их система так обременена токсичными элементами: амбициями, желанием, будущим, завтра, которого никогда не бывает. Ты жил в снах, и теперь твоя система больше не может этого терпеть. И ты остаешься таким напряженным будущим, что это напряжение становится самым твоим стилем жизни. Теперь это глубоко укоренившаяся привычка.

В сорок два года снова происходит прорыв. Человек начинает думать о религии, о другом мире. Кажется, жизни с него довольно, и времени остается не так много – как теперь тебе достичь Бога, нирваны, просветления? Отсюда вся теория реинкарнации: «Не бойся. Ты будешь рождаться снова и снова, и колесо жизни будет продолжать вращаться. Не бойся: времени достаточно, остается достаточно вечности – ты можешь достичь».

Именно поэтому в Индии родились три религии – джайнизм, буддизм и индуизм, – которые не соглашались ни в чем, кроме реинкарнации. Такие противоречащие друг другу теории, не соглашающиеся даже об основных положениях Бога, о сущности «я»... но все три соглашались в том, что касается реинкарнации – наверное, в этом что-то есть. Всем им нужно время, потому что чтобы достичь *брахмана* – индуисты называют это *брахманом*, – понадобится много времени. Это такая великая амбиция, а интерес возникает только в возрасте сорока двух лет. Остается всего двадцать восемь лет.

И это только начало интереса. Фактически, в возрасте сорока двух лет ты снова становишься ребенком в мире религии, а остается всего двадцать восемь лет. Кажется, этого времени слишком мало, недостаточно, чтобы достичь таких великих высот – индуисты называют это *брахманом*. Джайны называют это *мокшей*, абсолютной свободой от всех прошлых карм. Но тысячи и миллионы жизней случились в прошлом, как тебе с этим справиться за двадцать восемь лет? Как тебе отменить все это прошлое? Прошлое так безгранично, хорошие и плохие кармы – как тебе полностью очиститься от грехов за эти двадцать восемь лет? Это кажется несправедливым! Бог требует слишком многого; это невозможно. Если тебе дается только двадцать восемь лет, ты почувствуешь себя разочарованным. И буддисты, которые не верят ни в Бога, ни в душу – даже они верят в реинкарнацию. Нирвана, последняя пустота, полная пустота... если ты столько жизней остаешься наполненным таким количеством мусора, как тебе освободиться от этого бремени за двадцать восемь лет? Это непосильно; это кажется

невозможной задачей. И все они согласились в одном: нужно больше будущего, больше времени.

Каковы бы ни были твои амбиции, они требуют времени. А для меня религиозный человек это тот, кому не нужно времени. Он освобожден здесь и сейчас, он достигает *брахмана* здесь и сейчас, он освобожден, просветлен здесь и сейчас. Религиозному человеку вообще не нужно времени, потому что религия происходит в безвременном мгновении. Она происходит сейчас, она всегда происходит сейчас; она никогда не случалась никак иначе. Она никогда не случалась по-другому.

В возрасте сорока двух лет возникает первый порыв, неопределенный, неясный, спутанный. Ты даже не осознаешь, что происходит, но начинаешь смотреть на храм с интересом. Иногда по пути, как бы невзначай, ты заходишь в церковь. Иногда – когда у тебя есть время, и ты ничего не делаешь – ты начинаешь заглядывать в Библию, которая всегда собирала пыль на полке. Туманно, не очень ясно, точно как маленький ребенок, движимый невнятным сексуальным импульсом начинает играть со своим половым органом, не зная, что делает. Туманный позыв... Иногда человек сидит один, молча, и внезапно чувствует покой, не зная, что он делает. Иногда он повторяет определенную мантру, услышанную в детстве. Это обычно делала моя старая бабушка: начинала повторять мантру, когда чувствовала себя напряженной. Человек начинает искать гуру, кого-то, кто послужил бы ему проводником. Он принимает посвящение, начинает учить мантру, иногда повторяет ее, снова забывает на несколько дней, снова повторяет... туманный поиск, нащупывание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.